

А Д В О К А Т С К А Я   П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 62

30 марта 2023 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев с участием представителя адвоката А. – адвоката П. и представителя заявителя И. – адвоката По. в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе И. от 02 июня 2022 года (вх. № ... от 23.06.2022) в отношении адвоката А. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 18 января 2023 года вынесла заключение:

о нарушении адвокатом А. положений пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными способами), выразившемся в том, что не позднее 20 апреля 2022 года он привлек И. в качестве доверителя обещанием благополучного для И. разрешения дела, а именно - обещанием прекращения розыска и уголовного преследования последнего путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов;

о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом А. своих профессиональных обязанностей перед доверителем И., выразившемся в том, что:

– в период, начавшийся не позднее чем 10 сентября 2019 года и длившийся по крайней мере до 20 апреля 2022 года, адвокат А. принимал участие в уголовном судопроизводстве на стадии предварительного расследования в качестве защитника И. по уголовному делу № ..., расследуемому СУ по ... города Москвы ГСУ СК России по городу Москве, без заключения с доверителем И. соглашения об оказании юридической

помощи в простой письменной форме, а лишь на основании устного соглашения;

– получив от доверителя И. в период оказания указанной юридической помощи 250 000 долларов США, адвокат А. не внес их в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, а также не выдал доверителю И. финансовый документ по проведению операции со средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

о неисполнении адвокатом А. предписаний пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (честно, разумно и добросовестно отстаивать права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами), которое выразилось в уклонении адвоката А. до настоящего времени от исполнения добровольно принятого им на себя 20 апреля 2022 года письменного обязательства о возврате в срок до 31 мая 2022 года доверителю И. 200 000 долларов США как части вознаграждения, полученного «по Соглашению об оказании квалифицированной юридической помощи от 10 декабря 2020 года», заключенному в устной форме;

о нарушении адвокатом А. положения п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката (злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката), которое выразилось в использовании адвокатом А. доверия И., сформировавшегося к нему как к адвокату, для уклонения от исполнения добровольно принятого им на себя 20 апреля 2022 года письменного обязательства о возврате в срок до 31 мая 2022 года доверителю И. 200 000 долларов США;

о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката А. по жалобе И. от 02 июня 2022 года (вх. № ... от 23.06.2022), в части довода заявителя И. о намерении адвоката А. дать взятку сотрудникам правоохранительных органов, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Адвокат А., извещенный надлежащим образом о дате и времени заседания Совета, в заседание не явился, подал письменное заявление (вх. № ... от 29.03.2023), в котором просил Совет рассмотреть дисциплинарное производство без его участия в связи с состоянием здоровья и строго его не наказывать. Кроме того, сообщил, что в заседании Совета примет участие его представитель адвокат П.

Заявитель И., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, обеспечил участие представителя – адвоката По.

Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся адвоката А. и заявителя И., поскольку они ранее давали пояснения, обеспечили участие представителей, а в соответствии с п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката неявка кого-либо из участников

дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Представитель адвоката А. – адвокат П. в заседании Совета подтвердил своевременное получение заключения Квалификационной комиссии, ознакомление с ним и заявил о несогласии с изложенными в заключении выводами, кроме вывода о нарушении адвокатом А. финансовой дисциплины. Все остальные выводы Квалификационной комиссии, по его мнению, необоснованны, поскольку положительный результат не был твёрдо обещан адвокатом А. доверителю И. Это было лишь пожелание доверителя И., и адвокат А. предположительно сказал ему, что такие результаты могут быть достигнуты. Доверием И. адвокат А. не злоупотреблял, личные связи с сотрудниками правоохранительных органов не использовал. Обязательство по возвращению вознаграждения не исполнил, поскольку не считает возможным выплату денежных средств И., который не находится в России.

Отвечая на вопросы членов Совета, представитель адвоката А. – адвокат П. пояснил, что не усматривает противоречий между своей позицией и позицией своего доверителя – адвоката А., поскольку недавно принял его поручение и устно обсудил свою позицию с ним. На вопрос о том, почему адвокат А. в указанном выше письменном заявлении от 29 марта 2023 года не высказал какого-либо несогласия с заключением Квалификационной комиссии, а лишь просил строго его не наказывать, ответить затруднился и сообщил, что не знаком с содержанием этого заявления. Каких-либо предложений о приемлемых для него способах выплаты денежных средств в соответствии с принятым обязательством адвокат А. заявителю И. не делал.

Представитель заявителя И. – адвокат По. в заседании Совета подтвердил, что он и его доверитель И. своевременно получили заключение Квалификационной комиссии, ознакомились с ним и полностью согласны с выводами Комиссии. Все изложенные в жалобе И. обстоятельства подтверждены материалами дисциплинарного производства, и это убедительно описано в заключении Квалификационной комиссии. Позиция представителя адвоката А. в заседании Совета полностью несостоятельна и голословна, она лишь в очередной раз подтверждает недобросовестность адвоката А. Ссылаясь на мнение своего доверителя И., предложил прекратить статус адвоката А., поскольку его поведение дискредитирует звание адвоката и несовместимо с ним.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав явившихся участников, признаёт фактические обстоятельства правильно и полно установленными Квалификационной комиссией, однако с её выводами соглашается частично в силу следующего.

Из жалобы заявителя И. следует, что он выдвигает против адвоката А. следующие дисциплинарные обвинения:

– в привлечении его (И.) в качестве доверителя обещанием благополучного для него разрешения дела путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов;

– в нарушении профессионально-этических требований о формализации отношений с доверителем, выразившемся в оказании юридической помощи без заключения соглашения об оказании юридической помощи в письменной форме, а также в невнесении полученного от доверителя вознаграждения в кассу либо на расчетный счет адвокатского образования;

– в неисполнении добровольно принятого на себя обязательства о возврате доверителю части полученных от И. денежных средств.

Кроме того, в жалобе заявителя И. приводятся доводы о намерении адвоката А. дать взятку сотрудникам правоохранительных органов.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в привлечении адвокатом А. И. в качестве доверителя обещанием благополучного для последнего разрешения дела путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, Совет отмечает, что такие действия прямо запрещены адвокату подпунктом 6 пункта 1 статьи 9 Кодекса профессиональной этики адвоката.

При этом из жалобы заявителя И. и материалов дисциплинарного производства следует, что, вопреки утверждениям в заседании Совета представителя адвоката А. – адвоката П., решение о заключении с адвокатом А. соглашения в устной форме об оказании юридической помощи было принято И. именно в связи с полученными заверениями адвоката А. о наличии у него тесных и устойчивых связей в правоохранительных органах. Более того, как следует из письменных (вх. № ... от 18.01.2023) и устных пояснений представителя заявителя И. – адвоката По., адвокат А. использовал для привлечения И. в качестве доверителя свою осведомленность об обстоятельствах уголовного дела, вступив в него в качестве защитника И. без поручения последнего и еще до заключения ими соглашения в устной форме об оказании юридической помощи.

В жалобе И. также указывается, что свои высказывания адвокат А. «подтверждал тем, что является бывшим сотрудником правоохранительных органов и очень хорошо знаком с руководством «СУ по ...», дав гарантии положительного исхода» по уголовному делу в отношении И. «с дальнейшим прекращением уголовного преследования» И.

Данные доводы заявителя И. и его представителя последовательны и непротиворечивы, поскольку и в заявлении о совершении адвокатом А. преступления от 05 ноября 2022 года (вх. № ... от 11.01.2023) И. также указал, что адвокат А. пообещал «решить вопрос» о прекращении уголовного преследования И., а затем сообщил последнему о том, что полученные денежные средства в размере 250 000 долларов США он «потратил на взятки должностным лицам».

Адвокат А. в своих письменных объяснениях (вх. № ... от 30.08.2022) хотя и указывает, что «хронология событий и их содержание не совсем верно и корректно изложены», тем не менее, признает, что «ключевыми моментами, собственно в чем и состояла защита, были непредъявление обвинения (заочно), неизбрание меры пресечения (также заочно), а затем и

снятие с розыска (федерального) и прекращение уголовного преследования». В этих же письменных объяснениях адвокат А. сообщает, что «разрешение последних двух вопросов» «затянулось», и И., к тому времени потерявший интерес к этим результатам юридической помощи, решил прекратить устное соглашение об оказании юридической помощи, потребовав возврата уплаченных адвокату А. денежных средств.

Такие объяснения адвоката А. показывают, что предметом его договоренностей с доверителем И. являлось не оказание юридической помощи (оно имело второстепенное значение), а именно достижение положительного для И. результата по делу. Замещение в предмете достигнутого адвокатом А. с И. устного соглашения существа и содержания оказываемой юридической помощи достижением конкретного результата свидетельствует о том, что адвокат А. действительно обещал доверителю И. благополучное для него разрешение дела, за счет чего и привлек его в качестве доверителя.

Этот вывод подтверждается и последующим поведением адвоката А. и И., поскольку 20 апреля 2022 года они заключили Соглашение «о расторжении соглашения об оказании квалифицированной юридической помощи от 10.12.2020 года», предусматривающее возврат основной части полученного адвокатом А. вознаграждения (200 000 долларов США из полученных 250 000 долларов США), несмотря на зафиксированное этим же соглашением «отсутствие претензий по качеству оказанной юридической помощи на сумму 50 000 долларов США». При этом никакого расчета или даже общих критериев определения, фактически отработанного адвокатом А. вознаграждения в указанном Соглашении о расторжении не приведено.

Более того, из содержания представленных в материалы дисциплинарного производства представителем заявителя И. – адвокатом По. аудиозаписей (вх. № ... от 06.09.2022), а также их стенограмм, приложенных к жалобе заявителя И., следует, что адвокат А. обещал доверителю И. благополучное для него разрешение дела «к концу января».

Адвокат А., получивший в ходе дисциплинарного производства как данные аудиозаписи, так и их стенограммы, не оспаривал их достоверность.

При таких обстоятельствах Совет признает установленным, что адвокат А. привлек И. в качестве доверителя обещанием прекращения розыска и уголовного преследования последнего.

Как указано выше, подобное профессиональное поведение адвоката является недопустимым. При этом не имеет значения, какими именно способами адвокат намеревался достигнуть благополучного для доверителя разрешения дела и использовать свои связи с сотрудниками правоохранительных органов.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признаёт презумпцию добросовестности адвоката А. в части рассматриваемого дисциплинарного обвинения опровергнутой, а его умышленную вину в нарушении требований пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката – установленной.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в нарушении адвокатом А. профессионально-этических требований о формализации отношений с доверителем, Совет отмечает, что согласно п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката, «адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии».

Порядок оформления отношений адвоката с доверителем по оказанию ему квалифицированной юридической помощи установлен Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката. Так, п. 1 и 2 ст. 25 названного Закона устанавливают, что адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем, которое представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме, на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

В силу п. 1, 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат имеет право на получение вознаграждения (гонорара), причитающегося за исполняемую работу, а также на возмещение понесенных им издержек и расходов. Гонорар определяется соглашением сторон и может учитывать объем и сложность работы, продолжительность времени, необходимого для ее выполнения, опыт и квалификацию адвоката, сроки, степень срочности выполнения работы и иные обстоятельства.

В силу п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

Вне зависимости от конкретного момента привлечения адвокатом А. И. в качестве доверителя установленным выше недостойным способом, из обстоятельств настоящего дисциплинарного производства следует, что адвокат А. не позднее 10 сентября 2019 года вступил в качестве защитника И. в уголовное дело № ..., находящееся в производстве следователя СУ по ... города Москвы ГСУ СК России по городу Москве Ив.

В дальнейшем, действуя именно в рамках этого процессуального статуса, адвокат А. не позднее 08 ноября 2019 года направил в ГСУ СК России по городу Москве обращение о неправомерных действиях должностных лиц СУ по ... города Москвы ГСУ СК России по городу Москве, а 30 ноября 2020 года обратился в Прокуратуру города Москвы с жалобой на действия (бездействие) и решения должностных лиц СУ по ... города Москвы ГСУ СК России по городу Москве.

При этом из ответа Московского городского филиала Некоммерческой организации «...» (вх. № ... от 09.09.2022) следует, что соглашения об оказании юридической помощи, заключенные адвокатом А. с доверителем И., в адвокатском образовании не регистрировались, денежные средства не

поступали, ордера не использовались. Кроме того, Московская коллегия адвокатов «А.» письмом от 07 сентября 2022 года (вх. № ... от 09.09.2022) сообщила о невозможности предоставления данной информации в связи с тем, что на момент предполагаемого заключения соглашения об оказании юридической помощи от 10 декабря 2020 года адвокат А. не являлся членом данного адвокатского образования.

Адвокат А. в своих объяснениях не отрицает данные обстоятельства, в том числе – отсутствие письменного соглашения с И. и неоприходование полученных от него денежных средств, указывая, что в подтверждение наличия у него перед доверителем И. обязательств по возврату неотработанного вознаграждения имеется «расписка соответствующая, точнее соглашение».

Таким образом, в ходе дисциплинарного производства установлен факт участия адвоката А. в период с 10 сентября 2019 года и по крайней мере до 20 апреля 2022 года в качестве защитника И. по уголовному делу № ..., расследуемому СУ по ... города Москвы ГСУ СК России по городу Москве, без заключения с доверителем И. соглашения об оказании юридической помощи в письменной форме. При этом, получив в период оказания юридической помощи от доверителя И. 250 000 долларов США, адвокат А. не внес указанные денежные средства в кассу либо на расчетный счет адвокатского образования, а также не выдал доверителю И. финансовый документ, подтверждающий проведение финансовой операции с его денежными средствами.

Факт получения адвокатом А. денежных средств в размере 250 000 долларов США от доверителя И. подтверждается содержанием Соглашения о расторжении от 20 апреля 2022 года и объяснениями участников дисциплинарного производства – заявителя И. и адвоката А.

Вместе с тем, последующее заключение адвокатом А. и доверителем И. указанного Соглашения о расторжении от 20 апреля 2022 года не может быть признано надлежащим способом исполнения адвокатом обязанности по выдаче доверителю финансового документа, подтверждающего проведение финансовой операции с полученными от него денежными средствами, поскольку указанное соглашение финансовым документом не является и лишь констатирует состоявшийся ранее факт получения адвокатом А. денежных средств в наличной форме.

Ранее Совет Адвокатской палаты города Москвы уже давал оценку профессиональному поведению адвоката в части оформления отношений с доверителем. Так, в п. 2 «Обзора дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем», указано: «...надлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, то есть выполнение обязанности честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, предполагает не только оказание доверителю

квалифицированной юридической помощи по интересующему его вопросу, но и строгое выполнение адвокатом предписаний закона о порядке оформления правоотношений с доверителем, поскольку именно адвокат как профессиональный участник правоотношений, связанных с заключением и расторжением соглашения об оказании юридической помощи, обязан принять меры к тому, чтобы все процедуры, относящиеся к процессу заключения и расторжения соглашения об оказании юридической помощи, соответствовали требованиям действующего законодательства и не нарушали права и охраняемые законом интересы доверителя. Несоблюдение адвокатом данной обязанности существенным образом нарушает права и законные интересы доверителя (ухудшает его положение), поскольку затрудняет их защиту».

Учитывая изложенное, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом А. своих профессиональных обязанностей перед доверителем И. в данной части.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в неисполнении адвокатом А. добровольно принятого на себя обязательства по возврату доверителю И. части вознаграждения, Совет учитывает, что согласно п. 2, 3 Соглашения о расторжении от 20 апреля 2022 года, адвокат А. «по взаимному согласию», то есть добровольно, принял на себя обязательство по возврату в срок до 31 мая 2022 года доверителю И. 200 000 долларов США, признанных сторонами «неотработанной» адвокатом А. частью вознаграждения, полученного им «по Соглашению об оказании юридической помощи от 10.12.2020 года».

При этом из содержания Соглашения о расторжении от 20 апреля 2022 года усматривается, что оно заключено адвокатом А. в рамках исполнения им своих профессиональных обязанностей перед доверителем И., который именуется в указанном соглашении «Доверителем». Кроме того, в Соглашении о расторжении прямо указано на заключение между адвокатом А. и доверителем И. «соглашения об оказании квалифицированной юридической помощи от 10.12.2020 года», а сами денежные средства, подлежащие возврату адвокатом А. в срок до 31 мая 2022 года, определены как «неотработанная Адвокатом часть гонорара».

Как следует из жалобы заявителя И. и подтверждается материалами дисциплинарного производства, указанное обязательство адвокатом А. не исполнено, денежные средства в размере 200 000 долларов США доверителю И. не возвращены ни в предусмотренный Соглашением срок, ни до настоящего времени. Адвокат А. в своих письменных объяснениях от 22 июля 2022 года признал неисполнение этого обязательства, объяснив его необходимостью дополнительного времени. Не отрицает он, как и его представитель, неисполнение данного обязательства и на момент рассмотрения дисциплинарного производства Советом.

Как следует из электронного письма представителя заявителя И. – адвоката По. от 18 января 2023 года (вх. № ... от 18.01.2023), денежные средства до настоящего времени необоснованно удерживаются адвокатом А. и доверителю И. не возвращены.

Таким образом, не исполняя добровольно принятое на себя обязательство по возврату доверителю И. ранее полученных от него 200 000 долларов США, адвокат А. не исполняет требования пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» о честном, разумном и добросовестном отстаивании прав и законных интересов доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами.

На основании изложенного Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признаёт презумпцию добросовестности адвоката А. опровергнутой и в части данного дисциплинарного обвинения.

Вместе с тем, Совет полагает избыточным выдвинутое Квалификационной комиссией дисциплинарное обвинение в нарушении адвокатом А. требований п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, которое выразилось в использовании адвокатом А. доверия И., сформировавшегося к нему как к адвокату, для уклонения от исполнения добровольно принятого им на себя 20 апреля 2022 года письменного обязательства о возврате в срок до 31 мая 2022 года доверителю И. 200 000 долларов США. Уклонение адвоката А. от исполнения указанного обязательства полностью охватывается предыдущим дисциплинарным обвинением в нарушении требований п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Каких-либо иных действий (бездействия), связанных с «использованием доверия И.» и направленных на неисполнение обязательства по возврату последнему денежных средств, адвокат А. не совершал, в заключении Квалификационной комиссии такие действия (бездействие) применительно к дисциплинарному обвинению в нарушении требований п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката не описаны. В силу этого выдвинутое Квалификационной комиссией самостоятельное дисциплинарное обвинение в нарушении адвокатом А. требований п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката Совет исключает и прекращает дисциплинарное производство в данной части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения законодательства об адвокатской деятельности, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Доводы заявителя И. о намерении адвоката А. дать взятку сотрудникам правоохранительных органов не могут быть рассмотрены дисциплинарными органами адвокатского самоуправления, поскольку они по своему существу являются заявлением о совершении адвокатом А. уголовно-наказуемого деяния.

Согласно Разъяснениям Комиссии Федеральной палаты адвокатов РФ по этике и стандартам по вопросам применения п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденным Советом Федеральной

палаты адвокатов РФ 28 января 2016 года (Протокол № 3) и доведенным до сведения членов адвокатского сообщества и других лиц путем опубликования на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов РФ в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», компетенция квалификационной комиссии и совета адвокатской палаты субъекта РФ включает установление в действиях (бездействии) адвоката только признаков дисциплинарного проступка и применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно-наказуемого деяния или административного правонарушения возможно лишь в порядке, предусмотренном соответствующим законодательством. Порядок уголовного судопроизводства на территории РФ устанавливается УПК РФ и является обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников уголовного судопроизводства (ч. 1 и ч. 2 ст. 1 УПК РФ). Следовательно, вопрос о наличии в действиях (бездействии) адвоката признаков уголовно-наказуемого деяния может быть решен только в порядке уголовного судопроизводства.

Как следует из материалов дисциплинарного производства, 05 ноября 2022 года И. обратился с заявлением о совершении адвокатом А. преступления, и в настоящее время оно рассматривается ГСУ СК России по городу Москве.

В связи с этим дисциплинарное производство в части довода жалобы о намерении адвоката А. дать взятку сотрудникам правоохранительных органов подлежит прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Совет отклоняет как несостоятельные доводы представителя адвоката А. – адвоката П. о несогласии с заключением Квалификационной комиссии, заявленные им в заседании Совета, поскольку они, во-первых, не соответствуют позиции самого адвоката А., а во-вторых, опровергаются материалами дисциплинарного производства.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвокату А. за совершенные им дисциплинарные нарушения, Совет отмечает их умышленный характер, злостность и безнравственность. Совершенные адвокатом А. деяния причинили серьезный репутационный ущерб адвокатуре как институту гражданского общества и свидетельствуют об отсутствии у него необходимых профессиональных и личностных качеств для осуществления адвокатской деятельности. Совершение этих деяний свидетельствует также о том, что адвокат А. преследует при осуществлении профессиональной деятельности цели, прямо противоречащие требованиям законодательства об адвокатской деятельности и профессиональной этики. Такое профессиональное поведение Совет признаёт несовместимым с принадлежностью к адвокатскому сообществу.

По этим причинам Совет приходит к выводу о применении к адвокату

А. меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет полагает невозможным применение к нему более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и по той причине, что оставление адвоката А. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание полагать, что совершённые им нарушения совместимы со статусом адвоката.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при: неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем; нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого А. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учётом тяжести нарушений и всей совокупности установленных обстоятельств, включая данные о личности и состоянии здоровья адвоката А., считает необходимым установить этот срок в 3 (три) года.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, 4, 7, пп. 3 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2, 8 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

Применить к адвокату А. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

нарушение положений пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными способами), выразившееся в том, что не позднее 20 апреля 2022 года он привлек И. в качестве доверителя обещанием благополучного для И. разрешения дела, а именно: обещанием прекращения розыска и уголовного преследования последнего путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов;

ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем И., выразившееся в том, что:

– в период с 10 сентября 2019 года до 20 апреля 2022 года адвокат А. принимал участие в качестве защитника И. по уголовному делу № ..., расследуемому СУ по ... города Москвы ГСУ СК России по городу Москве, без заключения с доверителем И. соглашения об оказании юридической помощи в простой письменной форме, а лишь на основании устного соглашения;

– получив от доверителя И. в период оказания указанной юридической помощи 250 000 долларов США, адвокат А. не внес их в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, а также не выдал доверителю И. финансовый документ по проведению операции со средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

неисполнение предписаний пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (честно, разумно и добросовестно отстаивать права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами), которое выразилось в уклонении адвоката А. до настоящего времени от исполнения добровольно принятого им на себя 20 апреля 2022 года письменного обязательства о возврате в срок до 31 мая 2022 года доверителю И. 200 000 долларов США как части вознаграждения, полученного «по Соглашению об оказании квалифицированной юридической помощи от 10 декабря 2020 года», заключенному в устной форме.

Установить срок, по истечении которого А. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 3 (три) года.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката А. по жалобе И. от 02 июня 2022 года (вх. № ... от 23.06.2022):

в части довода о намерении адвоката А. дать взятку сотрудникам правоохранительных органов – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений требований законодательства об адвокатской деятельности, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков